

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: По жести («Пахомовка»)

1.

— Поедешь со мной на квартирник?

Мы сидим в моей машине, припаркованной в полусотне метров от автобусной остановки, распахнув двери и попивая мелкими глотками ледяную минералку.

— Задолбала жара... А кто будет? — спрашиваю я. Гусениц иногда таскал меня с собой по всяким мероприятиям, скучным для его пассий. А вот наши с ним странные вкусы частенько совпадали. Чем не повод для дружбы между симпатичной дамочкой под тридцать и не менее симпатичным парнем чутка за двадцать? И никакой тебе глупой романтики.

— Пахомовцы.

А вот это неожиданно... «Пахомовка» — паблик специфический, для людей с вывертом сознания: шок-контент, трапы, гурятинка всех видов и направлений. Иногда мне нравилось полистать ленту, посмотреть на мерзости, чтоб лишний раз вспомнить, как прекрасна жизнь. Но что-то сомневаюсь, что у остальных те же мотивы. Что там делает Гусениц, для меня вообще было загадкой: успешный, уверенный в себе, вечно какой-то душисто-наглаженный, он никак не вписывался в образ битарда или латентного маньяка.

— Это ты меня что... На вписку зовёшь? — приподнимаю бровь.

— Ну-у... Не то чтобы. Хотя возможны варианты. А что, зассала? — и этот его язвительный косой взгляд. Знает, зараза, как легко взять меня на «слабо».

— Есть малость, — отвечаю честно.

— Дело твоё. У нас, как в Теме, Правило трёх: безопасность, осознанность, добрая воля, — хохотнул. — Да ладно тебе. Поехали. Ты под моей протекцией. Когда я тебе врал?

Хм... Да никогда. Мне становится интересно. Посмотреть на живых пахомовцев в естественной среде обитания — когда ещё такое удастся? Я ведь своего рода коллекционер. Собираю необычных людей, превращаю в друзей, если повезёт. С нормальными скучно. С ненормальными — иногда страшно, особенно поначалу, когда не знаешь толком, какие кнопочки лучше не трогать. Мой вариант — стоять у клетки с тиграми и совать туда руки, не переступая барьер. Вот он, мой барьер на этот раз — Гус.

— А и поехали. Диктуй адрес.

По пути заскочили в супермаркет, Гусениц пошёл тариться алкоголем. Я, не будь дура, набрала Наташку, продиктовала ей адрес. Не то чтоб не доверяю приятелю, но жизнь научила: ситуации сильно разные бывают. Вернулся с двумя мелодично позвякивающими пакетами, ввалился на заднее сидение, аккуратно поддёрнул джинсы на коленях — привычка, свойственная тем, кто часто носит брюки со стрелками.

— Трогай! — барским тоном.

— Станешь министром, возьмёшь меня водителем? — спрашиваю, косясь в зеркало заднего вида.

— Возьму тебя, возьму... водителем, — подмигивает. Зараза.

Дом как дом. Подъезд, лифт, последний этаж. Музыка слышна уже на лестничной площадке. На звонок долго не открывают, затем наконец щёлкает замок, в двери появляется парень — высоченный, на добрых полголовы выше неменьшой меня, это учитывая мои каблуки. Выпустив в подъезд облачко сигаретного дыма, окидывает меня с головы до ног

оценивающим взглядом, от которого становится немного неуютно, но в то же время приятно — в глазах одобрение. Отняв у Гусеница пакет, громко произносит, обращаясь к кому-то в комнате:

— Ужратый пришёл, принёс бухла и привёл какую-то милфу. Годную.

Эм... Это сейчас обидели или комплимент сделали?

— Это Создатель, — комментирует Гус, мягко подталкивает меня в спину и запирает дверь изнутри. — Шутит он плохо, трахается ещё хуже, но человек золотой. Не спрашивай, откуда инфа.

Двухкомнатная квартира, по виду — съемная, но не притон. Голый линолеум, здоровенный диван, прикрытый потрёпанным, но чистым покрывалом, плазма, на которой мельтешат картинки без звука — музыка льётся из здоровенных колонок в углу. Я какое-то время не могу понять, что меня смущает в этой комнате. И только потом до меня доходит: посреди потолка торчит крюк. Видимо, от снятой люстры, ничего необычного, но почему-то мой взгляд то и дело к нему возвращается. Что за хрень?

Дымно — у дивана стоит кальян, к которому присосалась какая-то девица, косящая под гота. Рядом ещё одна, лет восемнадцати, светленькая, с видом одновременно надменным и немного нервным. Тоже, видать, в первый раз тут. Рядом, оседлав стул — парень, темноволосый, жилистый, что-то рассказывает, чуть растягивая слова.

— Привет, админота! — здоровается Гус. Указав на тёмненького, говорит мне: — А это Чечен. Май, это народ. Народ, это Май. Всё, теперь ты своя, будь как дома.

«Май». Приколист хренов...

Теперь понятно, почему милфа. Девчонки в комнате все не старше двадцати, при этом, как и принято в их возрасте, стараются казаться старше. Я — с точностью до наоборот. Высокая, ухоженная, даже в джинсах и просторной чёрной футболке умею выглядеть дорого. Такое приходит с опытом. И привлекает внимание, даже помимо моего желания. А сейчас я особо отсвечивать не хочу, мне интереснее смотреть.

В квартире человек двадцать, точнее сказать сложно — временами кто-то выходит на балкон или в соседнюю комнату, возвращаются, с глазами иногда затуманенными, иногда блестящими. Народ закидывается веществами. Я потихоньку приятно пьянею, посасывая водку с соком. С балкона тянет сладковатым дымком — видела, как туда потащили мокрый бульбулятор. Рыженькая девчонка, перехватив мой взгляд, кивает приглашающе. Я не курю, но иду — хочется глотнуть воздуха, да и просто отдохнуть от музыки, поболтать с людьми.

На балконе обнаруживаю Гуса. Разговаривает по телефону, прикрывая динамик рукой. Рядом самозабвенно сосётся парочка — полноватый парень с крупным пористым носом, почему-то вызывающим ассоциации с Губкой Бобом, и девушка с очень короткой, почти мальчишечьей стрижкой. Обе руки парня бесстыже шарят в приспущенных шортах подружки. Рыжая дышит дымом.

— Ну и как тебе? — закончив разговор, спрашивает Ужратый, пряча телефон в карман. Я неопределённо пожимаю плечами.

— Честно? Довольно обычно.

— Разочарована? Погоди, мы просто рано приехали. Специально пораньше тебя притащил, чтобы освоилась. Самое интересное начнётся после речи Чечена.

— Ого, тут и программа развлечений есть? — удивляюсь я.

— А то! Всё как у взрослых. О, слышишь?

Музыка притихла. Сейчас сквозь неё пробивается голос Чечена. Его странноватая манера говорить, растягивая слова, несколько раздражает, но в то же время удерживает внимание и заставляет прислушиваться.

—... почему мы создали «Пахомовку» такой, какая она есть? Глупый вопрос. Я бы больше удивился, если бы мы её не создали. Каждый из нас приходит в кшк контент по-своему: кто-то дронит на пасты, другие считают себя конченными циниками, оставляя «смищенные» комментарии к фото очередной расчленённой и изнасилованной мексиканки, третьи ещё сами не поняли, зачем здесь. Лично мною двигало любопытство, всегда интересовала психология человека. «Чужие мозги — это грязно, грязнее, чем я привык» — «Кровосток», помните? Ну никак я не мог понять, зачем люди отрезают себе брови и яйца, что прекрасного есть в опухоли на голове младенца и почему восхищаются Чикатило. И чем больше я просматривал материала, тем ближе я становился к пониманию того, что творится в мозгах этих людей. Отвращение сменилось отстранённым любопытством, любопытство — пониманием, понимание — жаждой и удовлетворением. Именно так мы растем духовно, господа. Те вещи, которые ранее казались отвратительными и неприемлемыми, сейчас вызывают интерес и удовольствие. Придя к этому, объединившись, мы создали то, что создали. И, впитав столько дерьма, сколько впитали ваши админы, невозможно не измениться. Подумайте, зачем вы сюда пришли. Любите ли вы секс и страдания так, как его любим мы? Когда только настоящая боль и истерзанное тело приносит удовлетворение? Или вы очередная кучка студентов и школьников, которые пришли сюда за бухлом и ширевом? Чечен замолкает, выдерживает паузу. Кто-то из гостей начинает говорить нечто невнятное, его одёргивают те, кто уже понял, к чему ведёт хозяин сходняка. Обведя всех внимательным взглядом, от которого в комнате становится совсем тихо, Чечен задаёт тот самый вопрос, которого я жду: — Кто готов пойти до конца и показать всем, ЧТО мы есть?

Тишина.

— У вас есть минута на размышление. Если нет добровольцев — вы ничего не стоите. Значит, я буду рад вышвырнуть мусор из своей квартиры.

В голосе — разочарование. Он отличный актёр. Мне-то разных пришлось повидать, но эти поведутся. А мне сейчас почему-то хочется, чтобы они молчали. Чтобы прошла эта минута и мы разошлись. Потому что мне очень, очень не нравится этот крюк в потолке...

— Что нужно делать?

Это та блондинка. Не знаю, чего ей наплёл парень под кальян, но, видимо, она на него запала, и сейчас хочет выделиться, произвести впечатление. Смелая. Вижу, как остальные переводят дух, только у одной девицы, той готессы с длинными ногтями, на лице тень досады. Возможно, хотела занять место звезды вечеринки, но слишком долго решалась.

Блондинка встаёт, подходит к Чечену — красивая, стройная, даже скорее худая, среднего роста, практически одного с парнем. Они хорошо смотрятся вместе, как кофе и молоко. Ужратый многозначительно хмыкает, чуть отстраняет меня, выходит из комнаты и возвращается с большой спортивной сумкой.

— Ничего сложного, Василиса. Ты будешь жертвой. Ей делать ничего не нужно, достаточно просто быть. Раздевайся, — произносит Ужратый.

Дамы и господа, переходим к торжественной части нашего собрания... Бля, кажется, они серьёзно. Чечен убирает со столика стаканы, осторожно отодвигает кальян, пока Создатель выкладывает из сумки содержимое. Аккуратно, любовно раскладывает на столике в каком-то

высокохудожественном порядке, в качестве оси симметрии положив поперёк столешницы стальную трубку сантиметров в шестьдесят длиной, с кожаными ремнями с обеих сторон. Широкие манжеты плотной кожи, соединённые цепочкой. Простые металлические наручники. Ошейник с кольцом и двумя пряжками. Зажимы для сосков и пригоршню грузиков. Кляпы — один в виде крупного члена из чёрной резины, второй скорее напоминает намордник — множество ремешков, распорки... Видела такую хрень в интернете, эти распорки фиксируют рот так, чтобы не закрывался. Гос-споди... Внутри сжимается, одновременно от жути и возбуждения. Я смотрю на девчонку. На её месте я бы сейчас драпала со всех ног.

Народ в комнате, оживившийся было, опять притих. Музыка прикрутили до уровня фона, так что теперь даже мне слышно, как со стуком ложатся на стол новые игрушки. Плётка, короткая, с целым веером хвостиков. Флоггер. Две анальные пробки, одна из них — с кокетливым меховым хвостиком. Пачка лезвий... Вот этот последний пункт мне совсем не нравится. Девушке, кажется, тоже. Её пальцы, расстёгивающие ремень на брюках, замирают. — Ну, что? Зассала?

Я вздрагиваю. На секунду мне показалось, что это я стою посреди комнаты, под перекрёстным огнём десятков взглядов, что это для меня готовят секс-тур по девяти кругам ада, и что это мне адресованы эти знакомые слова, сказанные знакомым голосом.

— Раздевайся, Василиса. Или уходи, — Ужратый стоит в дверном проёме между комнатой и коридором, сунув руки в карманы и опираясь плечом о косяк. Сейчас он перекрывает девушке путь к бегству. Я сжимаю кулаки: если она захочет уйти, я должна помочь! Меня-то он не тронет. Послушает, если попрошу, правда ведь? Слово прочитав мои мысли, Гус ловит мой взгляд и подмигивает, словно говоря: успокойся, всё понарошку, и обязательно будет хорошо. Странно, но я опять ему верю.

— Чёрта с два, — отвечает блондинка. Мне кажется, или у них с Ужратым какая-то дуэль? Она решительно расстёгивает джинсы, стаскивает их со стройных бёдер. Узкие штанины застряют на щиколотках, девушка наклоняется, помогая себе руками, и я вижу, что белые трусики её потемнели в промежности от влаги. Блин, да эта сучка уже течёт! Я перевожу дыхание. Миссия «Спасти Василису» отменяется.

Девушка стаскивает футболку. Лифчика на ней нет. Розовые соски на небольших аккуратных грудках собираются комочками. Теперь на ней только трусики, очень простые, без всяких украшений. Эта целомудренная простота рядом с коллекцией пыточных инструментов на столе смотрится совершенно дико, и оттого — безумно возбуждает.

Я примерно могу представить, что она чувствует. Раньше мне часто снился сон: я в школе, на уроке, перед всем классом, рассказываю что-то важное, и вдруг понимаю, что стою голая. Это странно, наверно, но просыпалась в ледяном поту, задыхаясь от паники, зато с пульсирующей в оргазме щёлкой.

К жертве подходит Создатель, становится за её спиной, по-хозяйски кладёт руку на грудь. придавив его ладонью, чтобы вогнать до упора. Наверное, он достаёт ей до самого горла. Я сглатываю. Бешено захотелось что-нибудь подобное и в свой рот, желательно не резиновое, а живое и тёплое. И подлиннее, чтоб до самых желез. Гус затягивает ремешок на затылке блондинки, а я смотрю то на неё, то на него, посасывая губу изнутри. И вдруг ловлю его взгляд. И в этот раз уже не отвожу свой. Он вопросительно приподнимает бровь. Я киваю едва заметно. Знать бы ещё, с чем или на что сейчас согласилась.

Меж тем шоу продолжается. Музыка выключили. Теперь я слышу, как свистит плеть. Василиса мычит, дёргаясь, сиськи подпрыгивают, я вижу на правой несколько капелек крови — здесь плётка рассекла нежную кожу. Только сейчас вспоминаю: а как же стоп-слово? Не помню, чтобы об этом шла речь вообще, а если б и шла — с кляпом во рту не очень-то поговоришь. Ну не запретит же он её до смерти? Будто прочитав мои мысли, Чечен вдруг швыряет плётку зрителям, замершим на диване. Кто-то шарахается, будто он бросил в них ядовитую змею. А потом чья-то рука с длинными ногтями хватается рукоять.

— Время причастия, господа пахомовцы. От каждого по удару. Неж-жно.

Он говорит так медленно, будто смакуя слова. Я ловлю себя на мысли, что тоже хочу «причаститься». Никогда не била человека плёткой. Драться приходилось, да. И даже стрелять. Но это — другое. Совсем, совсем другое.

Вообще, есть много способов раскрыть и понять характер человека. Боль — один из них. Даже не столько то, как её принимают, сколько то, как причиняют её другим. Я смотрю на лица пахомовцев. Та девчонка, что первой схватила плеть, бьёт сразу, сильно, но неумело, тут же заносит руку для следующего удара, но её кисть перехватывает Чечен.

— Не жадничай, — говорит спокойно и наставительно. Имени девушки я не помню, но теперь она будет для меня Жадиной. Бритый бьёт вторым, технично, с оттяжкой, так, что Василиса выгибается и дрожит от удара. Ноздри бритого хищно трепещут. Будет Хищник. Дальше — Раззява, Эстет, Скука, Нервный... Я считаю. Со мной, Василисой и тремя админами нас двенадцать, парней больше. Если таки дойдёт до потрахушек, девчонкам придётся поработать. Сейчас эта мысль не пугает, а отдаётся внизу живота тёплой щекоткой.

Я в очереди предпоследняя. Кроме меня, не причастился Создатель, но он, повертев плеть в руке, просто легонько шлёпает Василису рукояткой и передаёт мне. Никогда не держала в руках такое. Плеть тяжёлая, я двигаю запястьем, ловя баланс — да, почти как с ножами. Перехватываю ближе к середине, и бью коротко, от бедра, кнутовище взлетает снизу вверх, оставляя на груди, рядом с соском, алый росчерк. Понравилось. Хочу ещё.

— Наш человек, — говорит одобрительно бритый. Видимо, тоже умеет читать людей. Я не глядя сую ему плётку. В ушах шум. Мне нужно ещё выпить.

— Держи, — Ужратый протягивает мне стакан с водкой.

— Читаешь мысли, — я выпиваю половину одним глотком, закусываю собственным пальцем, посасываю солоноватую от пота кожу. От этого мысли переключаются в другое русло. Я хватаю приятеля за запястье, волоку к балкону. Мне нужен воздух. И мужик.

А на улице стемнело. Но свет из окна подсвечивает чёртов балкон не хуже софитов. Кажется, даже среди бела дня мы не были бы так заметны. Не то чтобы мне пофиг... Просто трахаться в санузле для меня совсем уж дно, не знаю даже, почему. Имею право на своих тараканов. Так что придётся здесь.

Тесно. Балкон не застеклён, и от мысли, что я могу свалиться отсюда, становится жутко и сладко. Гус обнимает меня за талию, притягивает ближе. Чувствую, как упирается в низ живота его напряжённый член. Парень трогает моё лицо, но я не хочу сейчас нежностей. Даже не хочу, чтобы меня трахнули. Сейчас мне нужно другое.

Мягко, но решительно отстраняю его. Он тянется следом, видимо, решив, что я протрезвела на воздухе и одумалась. Молча опустившись на колени, расстёгиваю замок его джинсов. За закрытой дверью на балкон какое-то оживление, но мне сейчас не до них. Подцепив резинку трусов, тяну вниз, высвобождая член. Гус шипит — видно, царапается медная застёжка.

— Да погоди ты! Вот же завелась, — говорит, расстёгивая ремень и приспуская джинсы. Член торчит вперёд и вверх, возбуждённый донельзя, освещённый сверху желтоватым светом из окна. Выглядающий очень вкусно.

Я захватываю его сразу на половину длины, прижимая языком, и обсасываю, жадно, даже застонав от удовольствия. Мне нравится делать минет. Нравится чувствовать твёрдую упругую плоть во рту, нравится, когда головка тычется в горло, раздвигает его с напором, немного болезненно, но так возбуждающе. Чуть отодвигаюсь назад, вытягивая шею, чуть прогибаясь. Руки на бёдрах парня, мнут его потную кожу, покрытую редкими волосками, короткие ногти впиваются в плоть. Я не хочу играть, дразнить — я хочу его член в своём горле, поэтому буквально натягиваюсь на него, с усилием, преодолевая естественное сопротивление. Горло сжимает спазм. Непривычно сильный — видимо, зря столько выпила. Значит, нужно спешить, не хочу, чтобы меня вырвало в самый интимный момент.

Ещё спазм. Отстраняюсь, не выпуская член из приоткрытого рта, жадно дышу, облизывая языком головку. Рука парня ложится на мою голову, собирает волосы в кулак, требовательно тянет обратно.

— Продолжай, ну! Соси!

А меня не надо просить. Набрав побольше воздуха, заглатываю член, кажется, ещё глубже, так, что жёсткие волоски щекочат нос. Рука Ужратого прижимает мою голову сильнее, проталкивая член теперь уже до конца. Неприличные звуки, которые я издаю помимо воли, наверное, слышны и соседям снизу. Тем, что в комнате, вряд ли, у них там своё шоу.

Блин, я же так задохнусь. Приходится с силой упереться руками в бёдра парня, чтобы высвободиться. Дышу шумно, изо рта на грудь стекает струйка слюны. Хочу ещё. Теперь чуть по-другому.

— Трахни мой рот, — говорю хрипло. Повторять не приходится. Зажав мои волосы в руке, Гус ёбёт мой рот жёсткими, сильными толчками, я перехватываю его ствол у основания, чтобы он не проникал так глубоко. Такое не может длиться долго, я чувствую, как каменеет и разбухает член, и успеваю задержать дыхание за миг до того, как струя спермы бьёт в моё горло. Гус стонет, низко, долго, а я додрачиваю член рукой, быстрыми движениями, постепенно замедляясь, сжимая сильнее, выдавливая остатки.

— Ну ты и... Охуеть, я ж тебя год знаю. Сколько времени потеряно, — Гус дышит тяжело, ладонь то ли гладит, то ли мнёт мои волосы.

— У взрослых женщин свои преимущества, — горло саднит, постоянно хочется откашляться. Или выпить, чтобы смыть маслянистый солоноватый вкус семени. Меня опять подташнивает. Пожалуй, хватит алкоголя. — Сока хочу.

— Пошли, — застёгивает джинсы, пока я пальцами расчёсываю волосы и вытираю потёкшую тушь, приводя себя в божеский вид. Трахаться хочется, но долго и вдумчиво, а не стоя на балконе. В машину его утащить, что ли? Неохота при лю...

Ах ты ж твою же мать... За время нашего отсутствия шоу стало интерактивным. Стриженная девчонка, та, что сосалась с пухлым на балконе, стоит раком на диване, ласково облизывая член Хищника. Пухлый, стянув с неё шорты, примеряется хвостатой пробкой к её заднице, причём смазки я нигде не вижу, так что сейчас будет много крика. Девица с длинными ногтями, та самая, Жадина, уже без футболки, трётся голой грудью о спину Василисы, облизывая её плечо. В пальцах — лезвие. Пока я стою в дверях, обалдев от происходящего, она проводит им по руке блондинки, от сгиба локтя до плеча, оставляя тонкий неглубокий

порез, тут же набухающий крупными тёмно-красными каплями. Они собираются в медлительный ручеёк, стекают вниз, Жадина ловит их длинным розовым языком. Губы её перепачканы красным.

Я подхожу к подвешенной.

— Эй, ты в порядке? — спрашиваю девушку. Зрачки её голубых глаз сильно расширены, она вздрагивает, реагируя на мой голос, с трудом фокусирует взгляд. Под транквилизаторами.

— Она в порядке, — голос Создателя над ухом. Подошёл сзади, по-хозяйски взял меня за задницу, — Вася, скажи тётеньке, что ты в порядке? А, да...

Убрав руку, Создатель отодвигает когтистую вампиршу и растёгивает ремешок кляпа на затылке блондинки, потом вытаскивает кляп. Вязкие нити слюны тянутся следом. Девушка кашляет, хочет сглотнуть, но не может закрыть рот — связки растянуты, нужно время, чтобы прийти в себя.

— Васян! Ты в порядке?

— А... аке, — она всё-таки отвечает. Создатель одобряюще хлопает девушку по щеке, потом громко, смачно целует в лоб. Сейчас в его поведении совсем нет того показного, театрального рыцарства, что вначале. Появилась какая-то неприятная развязность. Алкоголем от него не пахнет вообще, но глаза блестят, будто в них накапали масла.

— Ну и умница, — в его руке второй кляп, похожий на конскую упряжь. — Кому из вас троих надеть?

— Себе надень, — огрызаюсь я. Неужели этого человека я недавно хотела до дрожи в коленях?

Выхожу из комнаты. На кухне кого-то жёстко пьют прямо на столе, позвякивая чашками и ухая по-совиному. Мне показалось, или у того, кому вставили, между ног болтаются яйца? Молча забрав пакет сока, возвращаюсь в комнату, по пути толкнув дверь в спальню. Заперто. Видимо, у кого-то ещё остались крохи стеснения.

Стриженная на диване орёт и дёргается. Хищник вжал её лицом в покрывало и держит другой рукой оба её запястья, пока толстяк на сухую вдавливая пробку в её зад. Проходя мимо, делаю доброе дело — лью сок из пакета на покрасневшие ягодицы. Пробка входит сразу, с чавкающим звуком, снаружи торчит красивый пегий хвост неведомого зверя.

— Наш человек, — одобрительно говорит Хищник. По-моему, я ему нравлюсь. И уже это слышала.

Комната качается. Видно, те полстакана водки только сейчас окончательно добрались до моего мозга. Я нахожу тихую гавань — задвинутое в самый угол кресло. Отсюда открывается прекрасный вид на спину подвешенной Василисы. Теперь её облизывают уже двое. Белых трусиков нет, ноги прикреплены ремнями к стальной трубке, распорке, и разведены так широко, что я вижу заглушку анальной пробки в её заднице. Верёвку немного ослабили, теперь ступни надёжно стоят на полу, и от этого факта мне становится легче, так, будто это моим связкам, мышцам и сухожилиям дали отдых. Спина и ягодицы девушки покрыты багровыми рубцами — её опять били плетью. Жадина сейчас стоит перед ней на коленях, вылизывая щель, иногда просовывая руку между ног и трогая заглушку пробки. Василиса тихо постанывает в ответ. Рядом Чечен, что-то делает с её грудью, лаская губами шею. У меня между ног горячо и влажно. Я чувствую это пальцами, хотя и не помню, как там оказалась моя рука. Да и не важно. Расстегнув пуговку на джинсах, я просовываю руку внутрь, нахожу горошенку клитора, и начинаю ласкать себя, наблюдая за тем, как вампирша и Чечен трахают

блондинку.

Чечен, стоящий ко мне лицом, ловит мой взгляд. Что-то шепнув Жадине, приподнимает Васю и поворачивает её ко мне лицом. Актёру нужен зритель, а ребята на диване слишком заняты друг другом. Теперь я вижу, что он делал с её грудью — соски пережат